С Чёрными Храмовниками в центре и кадианцами и скитариями на флангах абордажная команда быстро двигалась по коридору и спустя всего несколько минут мудрость подобного решения стала очевидной. Сопротивлявшаяся архимагосу Котову противовзрывная дверь с грохотом ушла в потолок.

Показалась группа мускулистых сервиторов, созданных тем же отвратительным способом, что и убитый Танной. Это явно были орки, но с человеческой кожей на громадных тушах. Они производили одновременно тошнотворное и ужасающее впечатление. Как и уродливые огрины орки-сервиторы владели разнообразной коллекцией активированных клинков, потрескивающих жезлов и тяжёлых булав. К большому сожалению Хокинса двигались они не как сервиторы, а неумолимой обезьяньей походкой своих диких сородичей.

— Быстрее, — приказал Кул Гилад. — Мы должны добраться до верхних уровней. Архимагос, сколько осталось до лестниц на командные палубы?

— Пятьдесят два метра. Сюда!

Как один Чёрные Храмовники развернулись и, продолжая двигаться спиной вперёд, открыли шквальный огонь. Масс-реактивные снаряды едва успевали взвестись, прежде чем детонировать внутри прочных тел сервиторов. Взрывы мяса и костей пронеслись по всему переднему ряду врагов, но зияющие раны, которые превратили бы тело смертного в обломки костей и выпаренную кровь, только пошатнули мощную физиологию зеленокожих. Несколько упало, но остальные продолжили наступление, не обращая внимания на потери. Устойчивость орков к повреждениям и невосприимчивость сервиторов к боли объединились, и этих врагов почти невозможно было остановить, не разорвав на части. Кадианцы и скитарии также открыли огонь, но именно на масс-реактивные болты приходилась большая часть убийств.

Пятясь, чтобы занять лучшую позицию, Хокинс выпустил очередь из трёх выстрелов в ближайшего врага, жестокого монстра с покрытым металлом черепом и отвратительными зигзагообразными хирургическими швами на жирной морде. Все выстрелы попали в цель, прожигая отверстия в теле без всякого эффекта. Очередной оглушительный рёв болтерного огня обрушился на сервиторов, оторвав немало рук и ног. Хокинс переместил прицел, перевёл дух и дважды нажал на спуск.

Первый выстрел пробил переносицу орка, второй испарил глазное яблоко и прошёл сквозь череп в мозг. Органическое вещество, заставлявшее зелёнокожего двигаться, превратилось в сгоревший внутри черепа кусок мяса, мозговые функции выключились, и кибернетическая мерзость рухнула, не издав ни звука.

— Так и лежи! — крикнул Хокинс, целясь в следующего сервитора с огромными кусачками для резки, способными с одинаковой лёгкостью перекусить ногу или шею. Взрывы болтерного огня отбросили его цель, поэтому выстрелы капитана только выжгли куски плоти на голове орка и заставили свободно повиснуть челюсть.

Враги оказались опасно близко, ещё немного и они пустят в ход свои смертельные

инструменты.

— Назад, — сказал Хокинс, но в этот момент раздался оглушительный грохот электрического разряда, и стремительное переплетение раскалённого добела огня хлестнуло по стенам коридора. Волна воздуха швырнула Хокинса на пол. Он перекатился и увидел, как сервитор с имплантированным статическим разрядником снова выстрелил из своего необычного оружия. Два скитария закричали, когда тысячи вольт заживо сожгли их в броне.

Хлёсткая синяя молния зигзагами заметалась по коридору, устремившись по дуге к одному из космических десантников. Воин упал на колени и забился в конвульсиях, его нервную систему поразили спазмы, а кожа сплавилась с внутренней поверхностью доспеха. Мощные энергии извивались, подобно рассерженной змее, поймав двух гвардейцев и разорвав во взрыве кипящей плоти и обгоревших органов.

— Нет! — закричал Хокинс, встав в полный рост и целясь в безвольное лицо сервитора.

Град болтов обрушился на орка и оторвал руку с оружием в шквале машинных частей и костей. Второй взрыв снёс голову, а третий выпотрошил от груди до паха. Кул Гилад приостановил непоколебимое отступление и направился к сервиторам, его штормовой болтер выплёвывал один разрывной заряд за другим. Терминаторская броня предавала ему мощи, и он крушил врагов, как шар для сноса зданий. Огромный силовой кулак реклюзиарха устремлялся в цель и там, где он наносил удар, орки превращались в мякоть, напоминая заполненные кровью мешки, или в безжизненные сломанные и переломанные трупы.

Чёрные Храмовники сражались рядом со своим предводителем, воодушевляющая резня Кул Гилада подстёгивала их агрессию и умение. Цепные мечи вспарывали облачённых в человеческую кожу орков, а болт-пистолеты разрывали обнажённые органы и кости. Чемпион Императора шагал по трупам сервиторов каждым ударом чудовищного чёрного меча рассекая орочью плоть. Ему наперерез направился кибернетик с ревущей пилой, но чемпион поднырнул под оружие и вскинул клинок, отрубив сервитору руки в локтях. Возвратным движением Храмовник расколол врагу череп, и, продолжив вращать меч, разрубил ноги орку с лязгающим электрическим кабельным резаком.

— Реклюзиарх! — закричал Котов. — Сзади!

Хокинс повернулся и увидел ещё больше сервиторов, показавшихся в коридоре, два десятка, по крайней мере. Как и те, с которыми сражались Кул Гилад и Чёрные Храмовники, они представляли собой отвратительную комбинацию человеческой кожи и орочьей физиологии, помноженной на технологии Механикус. Что ещё хуже эти несли что-то похожее на настоящее оружие. Механические удары эхом разнеслись за их спинами, когда один из наступавших привёл в действие имплантированный клепальный молот. Хокинс увернулся, и лязгающая очередь горячих болтов врезалась в стену рядом с ним, одни срикошетили дальше по коридору, другие засели в обшивке, шипя раскалённым металлом.

В десяти метрах перед сервиторами капитан увидел вход на лестничный пролёт, круглую

диафрагмированную дверь в шестерёнке, которая, по-видимому, не закрылась из-за ржавых подшипников. Сверху изливался немигающий свет люминесцентных сфер, и ни одна из дверей никогда не выглядела столь привлекательной.

— Кадианцы, огневой рубеж! — крикнул он, повернулся и побежал в центр коридора у выхода на верхние уровни. Оставшиеся гвардейцы последовали его примеру, и опустились на одно колено, когда он прижал лазган к плечу. — В этот раз снимаем по одному, парни. Начинаем со здорового ублюдка с клепальным молотом! Огонь!

Коллимированные лазерные лучи вырвались из лазганов кадианцев, и сервитор-орк рухнул на колени без половины взорванного черепа. Предсмертные судороги существа привели в действие его ремонтное оружие, вбив линию горячих заклёпок в настил палубы и разнеся вдребезги коленную чашечку ближайшего кибернетика. Над головами гвардейцев пронёсся колеблющийся залп из дробовика, лазерного карабина и хеллгана, Хокинс рискнул оглянуться, и увидел, что скитарии Котова открыли огонь из своего более эзотерического оружия. Сам архимагос стрелял из украшенного медью длинноствольного пистолета, посылая разряды иссушающей плазмы в наступающие орды.

— Хорошо, теперь орк с лазерным резаком, — спокойно приказал Хокинс, стараясь не показывать волнение.

Сервитор упал, несколько лазерных ожогов опалили его шею, и кровь брызнула на стены. Второй орк с ремонтной пушкой открыл огонь и один из кадианцев заворчал, когда болт выбил из его груди плоть и кости, оставив ровное цилиндрическое отверстие. Гвардеец резко обмяк, но Хокинс не решился прекратить огонь, чтобы посмотреть осталась ли надежда спасти несчастного.

— Мы не можем продолжать так! — крикнул он Котову. — Нужно подняться по лестнице.

Котов кивнул и повернулся к Чёрным Храмовникам, которые убивали отвратительную кибернетику. Несмотря на учинённую ими бойню воины Кул Гилада также понесли потери. Поражённый статическим разрядом космический десантник лежал неподвижно, а ещё один сражался только одной рукой, вторую начисто срезали механические ножницы. У остальных виднелись опалённые шрамы или окровавленные отверстия в доспехах, где энергетические лезвия, усиленные мощью орков, сумели рассечь керамит. Астартес сражались, неуклонно отступая, их оттесняли благодаря простому численному преимуществу и грубой силе.

В бою один на один орки-сервиторы не шли ни в какое сравнение с Чёрными Храмовниками, но космических десантников было шестеро против бесконечной волны.

— Кул Гилад! — крикнул Котов, его голос почти оглушал. — Мы должны уходить. Немедленно!

Реклюзиарх ничем не показал, что услышал архимагоса, но пробив кулаком грудь сервитора, он шагнул назад и его воины вместе с ним. Чемпион Императора последним вышел из боя, выиграв время для братьев сокрушительным взмахом меча.

— Поднимайтесь по лестнице, — велел Котов, повернувшись к Хокинсу. — Мы прикроем вас.

Капитан кивнул и побежал, пригибаясь, в сторону открытого круглого входа, стреляя на ходу от бедра. Четверо оставшихся кадианцев последовали за ним и миновали дверь в тот момент, когда Хокинс выпустил последнюю очередь лазерных разрядов, переключившись на автоматический огонь. Свалился ещё один сервитор, и энергетическая ячейка замигала, показывая, что полностью разряжена. Хокинс вбежал внутрь, укрылся за краем двери, выбил силовую обойму из казённика, и умело заменил её. К тому времени, как ячейка активировалась, его люди уже прикрывали огнём архимагоса.

Скитарии Котова вбежали в круглую дверь и направились вверх по лестнице, нацелив оружие на светящийся прямоугольник света наверху. Архимагос опустился на колени около управляющей дверью панели и вставил цифровые дендриты во входные порты.

— Вы сможете закрыть её?! — крикнул Хокинс, перекрывая грохот болтов и шум лазерных разрядов.

— Очень на это надеюсь, — ответил Котов и приступил к работе.

Сверху раздавалось тихое бульканье жидкостей, а также тянуло холодным воздухом и запахами дезинфектантов, напомнив Хокинсу медицинский отсек, но это помещение, похоже, использовалось для более тёмной цели. Он высунулся в дверь и выстрелил в приближающихся врагов. Ему удалось сбить имплантированную дрель с плеча особенно устрашающего сервитора, но утрата оружия ничуть не замедлила кибернетика.

Кул Гилад и Храмовники организованно отступали, однорукий воин тащил павшего космического десантника, пока его братья, сохраняя строй, приближались к круглой двери. Первым вошёл раненый космический десантник, его сопровождал юноша, с которым сражался Дахан. Следующим был Танна, затем размахивающий мечом чемпион Императора. Наконец вошёл Кул Гилад, стихарь реклюзиарха затвердел от крови и масла убитых врагов. С силовой перчатки капала горячая кровь, и шлейф едкого топливного дыма поднимался из штурмового болтера.

— Быстрее! — крикнул Хокинс, наблюдая как неумолимая волна бесчисленных сервиторов приближалась к упрямо отказывавшимся закрываться дверям. Из панели били искры, а дендриты Котова изгибались и боролись с подчинённым духом-машиной замка.

— Быстрее! — крикнул Хокинс, наблюдая как неумолимая волна бесчисленных сервиторов приближалась к упрямо отказывавшимся закрываться дверям. Из панели били искры, а дендриты Котова изгибались и боролись с подчинённым духом-машиной замка.

— И возвысившиеся в глазах Марса должны возносить хвалу даже духу самой смиренной машины, — рявкнул Котов, сопроводив слова очередью сердитого кода. Запирающий механизм раздражённо зашипел, и острые листы металла начали сближаться.

В дверях возник кибернетический орк, схватил огромной рукой-зажимом Хокинса за бронежилет и потянул к себе. Кул Гилад сжал плечо кадианца, его хватка напоминала силовой подъёмник “Часового”. Штурмовой болтер разрядился в лицо сервитора, а закрывавшаяся круговая дверь начисто срезала руку отшатнувшегося врага. Хокинс упал на нижнюю ступеньку, едва не оглохнув от грохота выпущенной в упор очереди. Быстро оправившись, он сорвал отрезанную руку с брони, испачкав ноги орочьей кровью.

— Спасибо, — произнёс он, перестав касаться двери, когда металл прогнулся от серии тяжёлых ударов. Наверху появились искры и пылающее пятно света — сервиторы пустили в ход режущие инструменты, дрели и тяжёлые механические молоты.

— После поблагодаришь, — ответил Кул Гилад. — Нельзя останавливаться.

Хокинс кивнул и направился вверх по лестнице за скитариями и Чёрными Храмовниками.

Помещение наверху и в самом деле оказалось медицинским отсеком, который создали путём простого сноса перегородок, разделявших палубу на множество мастерских и лабораторий. Яркие люминесцентные полосы заливали всё светом, и даже не слишком разбиравшийся в технологиях Хокинс мог сказать, что весь уровень отвели в распоряжение аугметики.

Пара десятков операционных столов располагались с геометрической точностью, и на них виднелась, по крайней мере, дюжина тел. Орки лежали на спине и оставались неподвижными благодаря адамантиевым оковам и большим дозам снотворного. У изголовья каждого занятого стола размещались инфоэкраны, на которых мерцали биометрические показания: замедленное сердцебиение, пониженное кровяное давление и спящая мозговая деятельность.

Основную работу по аугментации зеленокожих выполняли напоминавшие медных пауков шипящие машины, которые свисали с потолка на переплетении цепей, пневматических кабелей и булькающих питающих трубок. Щёлкающие и лязгающие механизмы с дрелями, скальпелями, пилами и лазерными прижигателями, нервосшивателями и костными выправителями работали, ампутируя конечности, удаляя лишние органы и иным образом подготавливая орков к пересадке нервных тканей и замене частей тела.

Предназначенные для зеленокожих бионические конечности, внутренние органы и черепные кожухи перемещались в подвесных люльках, создавая впечатление сборочного конвейера по производству бронетехники на автоматизированном мануфакторуме. Свисавшие механизмы-пауки прикрепляли новые части с безжалостной машинной эффективностью, каждое подобное действие сопровождалось металлическим выбросом записанных бинарных песнопений и облачками ладана из встроенного распылителя.

Вдоль зала протянулись ряды заполненных непрозрачной молочной жидкостью чанов со зловонным предохраняющим раствором. В воздухе мелькали несколько хромированных сервочерепов, волоча длинные зажатые в зубах полоски пергамента. Три стены закрывали бледные шторы, свисавшие с высокого потолка, словно занавес на сцене Театрика Империалис. По ним что-то стекало, капая с бахромы в специальные резервуары и исчезая в неизвестном

направлении. Было сложно определить их предназначение, и Хокинс повёл гвардейцев к ближайшей шторе, собираясь проверить, не укрылись ли за ней в засаде сервиторы.

— Преображать плоть ксеносов в сервиторов — кощунство, — прошептал Котов, осознав весь ужас работы преобразующих машин. — Только идеализированная человеческая форма может получить такое благословение. Мерзость… Ни один адепт Механикус никогда бы не посмел одобрить такую техно-ересь.

— Тогда кто это сделал? — спросил Кул Гилад.

— Что-то выродившееся взяло под контроль манифольдную станцию, реклюзиарх. Я не меньше вашего желаю знать, что это такое.

— Нет, — возразил Кул Гилад, направляя своих воинов вперёд. — Меня совсем не волнует, что это такое. Я только хочу убить его.

Чёрные Храмовники методично рассредоточились по помещению, и гнилая растительная вонь орочьей крови заполнила медицинскую палубу, когда они убивали распростёртых зеленокожих, рассекая цепными мечам глотки ксеносов. Инфоэкраны над столами пронзительно зашумели, когда частично трансформированные орки умирали, и предупреждающие сигналы разнеслись по всему залу. Сервочерепа подлетели ближе и зависли над мёртвыми кибернетическими телами, выплёвывая потоки сердитого машинного языка и бормоча из аугмитеров, имплантированных в вырезанные лазером мозговые роднички.

Хокинс добрался до медленно покачивающейся шторы и потянул её в сторону. Она оказалась гладкой и эластичной, и даже сквозь жёсткую ткань перчаток капитан почувствовал ужасно знакомую текстуру.

— Трон Терры, — произнёс он, отступая от чудовищного занавеса и вытягивая шею, чтобы полностью осознать кошмарный масштаб увиденного. — Это — кожа… всё, это — человеческая кожа.

Котов прервал препирательства с Кул Гиладом, подошёл к колеблющейся шторе из кожи, схватил и потёр металлическими пальцами.

— Искусственная синтетическая кожа, — сказал он. — Идеально подходит для пострадавших от ожогов или нуждающихся в пластических операциях. Обычно её не выращивают в таких объёмах, но качество превосходно.

Хокинс подавил невольную дрожь от мысли о свободно свисавших акрах человеческой кожи. То, что она оказалась выращена, а не содрана с живых, не меняло факта, что её было вполне достаточно для более чем сотни кибернетиков. Почему кто-то решил содрать шкуру с орков и заменить её человеческой кожей, оставалось тайной, и Хокинс не был уверен, что хочет узнать ответ.

— Нужно выбираться отсюда, — произнёс он, чувствуя тошнотворный страх в животе. — Немедленно. Где выход? Здесь должен быть проход на командную палубу.

Котов кивнул. — Действительно должен.

— Что значит “действительно должен”? Он есть или нет?

— Судя по схемам станции, на этом уровне должны располагаться многочисленные разделительные перегородки и подъёмная платформа на верхнюю палубу, но как вы уже могли убедиться, планировка сильно изменилась.

— Получается, выхода нет?

— Я попытаюсь найти запасной путь наверх.

Хокинс глубоко вздохнул, услышав новые удары снизу, где армия сервиторов увеличила давление на дверь. Учитывая бесчисленные режущие инструменты и дробящее оружие в распоряжении отвратительных монстров, им не потребуется много времени, чтобы войти.

— Разве мы не можем телепортироваться на “Сперанцу”? — спросил он. — Вы же обладаете подобной технологией, не так ли?

— Если бы мы могли это сделать, разве вы не думаете, что я уже вернулся бы на “Сперанцу”, капитан? То же самое вмешательство, что заблокировало вокс, сделало невозможным такой способ перемещения. А раз это невозможно, то я посоветовал бы вам присоединиться к Храмовникам, и помочь строить баррикады.

Хокинс кивнул, чувствуя стыд за то, что позволил отвращению к шторам из кожи оттеснить на второй план текущую тактическую обстановку. Он быстро направил гвардейцев помогать скитариям и Храмовникам передвигать тяжёлые каталки и шкафы с медицинским оборудованием, создавая несколько баррикад для обеспечения взаимосвязанных секторов обстрела. Ящики с запасами, стулья, столы и верстаки полетели вниз по лестнице, чтобы помешать сервиторам, а архимагос Котов тем временем пытался получить доступ к системам манифольдной станции и лучше разобраться в текущей ситуации.

Звучный лязг металла сообщил им о том, что дверь на медицинскую палубу выбита. Астартес встали наверху лестницы, нацелив болтеры вниз. Хокинс и кадианцы заняли позиции на баррикадах слева от двери, а скитарии справа. Если наступление сервиторов не удастся остановить, то Храмовники отступят к баррикаде в центре зала, заманив врага в смертельную зону продольного огня.

Хокинс занял позицию со своими гвардейцами: Оллертом, Стеннц, Пауланом и Маносом. Все они были хорошими солдатами и заслужили лучшей участи, чем эта.

— Когда эти ублюдки доберутся досюда, а они доберутся, обрушьте на них всё, что у вас есть, — сказал он.

Солдаты кивнули, и Хокинс положил лазерную винтовку на край перевёрнутого верстака. Кул Гилад возвышался над лестницей, почти заполняя всё пространство, с каждой открытой стороны от реклюзиарха расположились два Храмовника, один опустился на колено, другой стоял в полный рост. Хокинс слышал, как шумели сервиторы, прорывавшиеся сквозь мебель и обломки, сброшенные защитниками вниз, и знал, что скоро взглянет в глаза смерти.

Инфоэкраны над операционными столами с орками замерцали и переключились с демонстрации ноющих прямых линий трупов на отвратительного техножреца с блестящей серебристой оптикой.

— Вы все умрёте здесь, — произнесла дюжина изображений техножреца. — Ваши тела соберут и используют для замены повреждённых вами.

— Я сейчас заткну этого ублюдка, — выругался Хокинс и прицелился из лазгана в ближайший экран.

Техножрец посмотрел в его сторону.

— Вам следует экономить боеприпасы, — посоветовал он. — Вам они пригодятся.

Первое убийство во второй волне атакующих принадлежало Кул Гиладу. Его штурмовой болтер оставил кратер на месте черепа первого сервитора, который появился на лестнице, отбросив врага вниз, заодно сбив ещё двух кибернетиков. Хокинс ощутил колоссальную мощь болтерного огня и почувствовал резкую вонь ракетного топлива, когда оружейный дым заполнил медицинскую палубу. Плотный огонь Храмовников заполнил лестничный пролёт разрушительной смертью, масс-реактивные болты взрывали черепа и распахивали грудные клетки с каждым выстрелом.

Хокинс понятия не имел, сколько сервиторов погибло, но Храмовникам потребовалось всего несколько минут, чтобы количество боеприпасов сократилось до такого уровня, когда приходится отступать. Без удерживавшего их в страхе непрерывного шквала орки-сервиторы легко пробились сквозь обломки и трупы, заполнившие лестницу.

Хокинс услышал их тяжёлую поступь и прижал приклад винтовки к плечу.

— Старайтесь стрелять в голову, — сказал он. — Цельтесь в глаза или пытайтесь уничтожить черепную аугметику. Экономьте каждый выстрел.

Четыре гвардейца кивнули и Хокинс сказал. — За Кадию и честь.

— Или Око убьёт нас.

Первый сервитор добрался до вершины лестницы, и на этот раз первое убийство досталось архимагосу Котову. Тонкий луч обжигающего сетчатку белого света вырвался из его пистолета, и орочья голова разлетелась в фонтане дымящейся крови. Сервитор повалился вперёд, кибернетические ноги ещё царапали пол, когда через него перешагнул следующий монстр. В бой вступили скитарии, обрушив на существо град энергетических лучей и бронебойных пуль. Изрешечённый труп рухнул возле первого сервитора.

Гвардейцы Хокинса открыли огонь по третьему кибернетику, который перелезал через тела. Выстрел Хокинса срезал нижнюю половину челюсти, а Манос снёс макушку черепа, попав в мясистый ушной канал. От отдачи Паулан промахнулся, а выстрел Оллерта попал сервитору сзади в шею. Кровь хлынула существу на грудь, но враг не останавливался. За ним показались ещё два, и кибернетик провёл шипящей горелкой по дуге под свист вспыхнувшего топлива.

— Вниз! — крикнул Хокинс, прежде чем пылающие волны горящего прометия хлынули на них. Он почувствовал, как жар опалил броню и сдержал крик боли, когда раскалённая металлическая скрепка прижалась к нательной рубашке и обожгла кожу. Огонь поглотил Паулана, и несчастный закричал, сильный жар сплавил плоть с костей и подавил крики, высосав воздух из лёгких. Он упал рядом со Стеннц, которая отчаянно пыталась сбить пламя руками.

— Оставь его! — крикнул Хокинс. — Он — мёртв!

Оллерт вскочил в полный рост, направил винтовку на сервитора-огнемётчика и мгновенно отлетел назад, когда высокоскоростная заклёпка выбила заднюю половину его шлема. Стеннц пригнулась, и тарахтящая очередь обрушилась на её укрытие, оставив множество похожих на гриб вмятин на нижней части верстака. Манос подобрал энергетические ячейки Оллерта и бросил по одной Хокинсу и Стеннц.

Потоки ответного огня со всех сторон медицинского отсека заставили замолчать стрелка заклёпками и Хокинс, Стеннц и Манос выглянули над огневыми позициями. Языки пламени всё ещё лизали перевёрнутый верстак, и струйки чёрного дыма мешали видеть. В помещении было уже с полдесятка кибернетиков, наступавших с механистической агрессией. Хокинс и Манос сосредоточили стрельбу на сервиторе с огнемётом и добились успеха, прикончив врага концентрированными автоматическими очередями, которые опустошили обе энергетические батареи. Стеннц стреляла лучше, её выстрелы расплавили металлическую макушку ещё одного стрелка заклёпками и заставили врага замереть, словно статуя.

Ещё больше сервиторов ввалились внутрь, и даже среди пронзительного грохота стрельбы Хокинс расслышал резкий металлический смех техножреца с серебряными глазами. Капитан нырнул назад в укрытие, чтобы заменить разряженную силовую ячейку.

— Последняя, — произнёс Манос. — Я же говорил, что нужно взять гранаты.

— На герметизированную космическую станцию? — ответил Хокинс, вытаскивая последнюю энергетическую батарею. — Нет, спасибо.

— Одна запасная, — сказала Стеннц. — Кому?

— Оставь себе, — велел Хокинс. — Ты — лучший стрелок среди нас.

Стеннц кивнула и перезарядила лазган.

Три кадианца заняли позиции и приготовились считать последние выстрелы.

Скитарии поспешно отступали, их импровизированная баррикада превратилась в куски перекрученного металла под ударами пневматического молота жестокого орка-сервитора, который на целую голову и плечи возвышался над собратьями. К ним устремились жгучие дуги потрескивающей энергии, и только запрограммированное самопожертвование спасло архимагоса Котова, когда два воина бросились навстречу смертельному кнуту электро-огня. Тела скитариев вспыхнули и за несколько секунд превратились в пепел, а вооружённый молотом орк уже направлялся к выжившим.

— Свалим его, — сказал Хокинс, но в этот момент чудовищное кибернетическое существо атаковал Кул Гилад. Орк замахнулся на реклюзиарха окутанным энергией молотом, лидер Храмовников перехватил опускавшееся по дуге оружие и впечатал штурмовой болтер в морду зелёнокожего. Но прежде чем воин-жрец выстрелил, его поразил пульсирующий электрический луч, и космический десантник задёргался, когда поток разрушительной энергии перегрузил системы доспеха.

Пневматический молот врезался в реклюзиарха, отшвырнул назад и сорвал тяжёлый наплечник. Хокинс почувствовал ужас в животе при виде упавшего терминатора, но когда огромное оружие орка снова устремилось вниз, его перехватил чёрный меч чемпиона Императора. Воин разрубил рукоять молота, развернулся на пятках и вонзил клинок в грудь кибернетика. Удар, похоже, ничуть не побеспокоил гигантского орка-сервитора, который впечатал кулак в нагрудник космического десантника, пока тот пытался вытащить меч из жёсткого тела.

Остальные Чёрные Храмовники бросились в рукопашную, и в этот момент Кул Гилад встал, как героический борец, который из последних сил стремится выиграть самый важный в жизни бой. Молотобоец посмотрел на него, словно изумлённый, что сражённый реклюзиарх сумел подняться. Кул Гилад не предоставил ему шанса опомниться и устремил активированный силовой кулак в орочью морду. Усиленный яростью удар достиг цели и снёс монстру голову, оставив только бьющий кровью обрубок и свисавшие с шеи обрывки дряблой кожи.

Никогда не видевший ничего подобного Хокинс едва не завопил от радости, но дисциплина кадианца быстро взяла своё.

— Этот, — сказал он, и разрядил последнюю силовую ячейку в сервитора с потрескивающим электро-огненным оружием. Его выстрелы сорвали с устройства какие-то детали, после чего генератор на спине окутали дуги потрескивающей энергии и из него повалили фонтаны искр. Стеннц и Манос завершили работу, их последние выстрелы пронзили что-то жизненно важное и заставили это взорваться с оглушительным треском заземлённых энергий, от которых орк вспыхнул с головы до ног в пахнущем озоном пламени.

Дым и огонь заполнили эту часть медицинской палубы, занавески из плоти скрутились от жара и загорелись с отвратительной вонью опалённой кожи.

— Я пуст, — сказал Манос.

— Я тоже, — отозвалась Стеннц.

Хокинс кивнул и повесил лазган на плечо, не желая отказываться от него даже без энергетических обойм. Он обнажил своего “Палача”, кадианский боевой клинок умелого убийцы и произнёс. — Холодная сталь и верная правая рука.

Остальные также обнажили клинки и перепрыгнули через тлеющие обломки, оставшиеся от их укрытия, а архимагос Котов и последний скитарий присоединились к Чёрным Храмовникам, встав перед растущими рядами кибернетики, хлынувшими в зал. Хокинсу, Маносу и Стеннц пришлось продираться сквозь груды трупов, обломков и разбитой мебели.

Кул Гилад посмотрел на него и Хокинс изумился, что воин всё ещё мог стоять, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

— До конца, — сказал реклюзиарх.

Капитан не знал точно, что это значит, но понял окончательность сказанного.

— За Императора, — ответил он.

— Во имя Его.

Орочьи кибернетические гибриды наступали на оборонявшихся имперцев под пристальным взглядом техножреца с серебряными глазами. Их было слишком много, слишком много даже для Чёрных Храмовников, и Хокинс выбрал врага, которого убьёт первым, орка с мерцающими бронзовыми пластинами в черепе и погрузочными крюками вместо рук.

— Скажите, архимагос, — произнёс он. — Вы думали, что ваши поиски потерянного флота магоса Телока закончатся так?

Сервиторы вздрогнули от его слов и остановились, словно он только что произнёс какую-то тайную команду.

— Нет, — мрачно ответил Котов. — Такому сценарию не было места в моих планах.

— Так и думал, — сказал Хокинс, перехватив поудобнее “Палача”.

Кибернетики опустили оружие и стояли неподвижно, как будто ожидали приказов.

— Постойте, что происходит? — спросил Хокинс, когда сервиторы так и не атаковали. — Почему они медлят?

На пару секунд инфоэкраны над хирургическими столами зашипели от статики, и картинка с техножрецом с серебряными глазами сменилась на изображение магоса Таркиса Блейлока в капюшоне. Его голос перекрывали помехи, но, в конце концов, слова пробились.

— …химагос? Пожалуйста, ответьте, — произнёс Блейлок. — Говорит “Сперанца” вы слышите нас?

— Да, мы слышим тебя, — ответил Котов.

— Аве Деус Механикус! — воскликнул Блейлок и Хокинс с удивлением услышал что-то похожее на неподдельное облегчение от факта, что архимагос жив. — Вы столкнулись с проблемами?

— Справедливости ради стоит сказать, что у нас очень большие проблемы.

— Манифольдная станция активировала циклический частотный вокс-глушитель, и я только сейчас сумел восстановить связь после потери сигнала.

Хокинс услышал голос Рея и поместил вокс-бусинку, свисавшую с воротника, в ухо. Он отключился от Блейлока и Котова, вклинившись между настойчивыми требованиями лейтенанта ответить.

— Успокойся, Рей, — сказал Хокинс, коснувшись субречевого передатчика на шее. — Что у тебя происходит? Вас атаковали?

— Так точно, сэр, атаковали, но мы отбили нападение. По правде говоря, они не слишком старались. Думаю, они просто мешали нам пробиться к вам.

— Похоже на то, — кивнул Хокинс. — Потери?

— Никак нет, сэр, — ответил Рей и Хокинс даже по воксу почувствовал гордость в его словах. — А у вас?

— Есть убитые, плюс порезы и царапины, так что пришли санитара.

— Я приду вместе с ним, — пообещал Рей и отключил связь.

Хокинс воспользовался паузой, чтобы прийти в себя. Это был тяжёлый бой, и он вполне мог оказаться для него последним. Как ни странно, это его не слишком волновало. На Кадии детей с самых ранних лет учили жить с мыслями о собственной смерти. В результате получались бесстрашные солдаты с безрадостным детством. Он не спускал взгляда с сервиторов, на тот случай если они вдруг возобновят боевые действия.

— Блейлок, вы отключили сервиторов манифольдной станции? — спросил Котов.

— Никак нет, архимагос. Мне ничего не известно об отключении.

— Он не отключал их, это сделали мы, — произнёс разноголосый гештальт-голос в дальней части медицинского отсека. Хокинс обернулся и вскинул лазган, хотя он и был без силовой ячейки.

Ранее невидимая семиугольная секция потолка опускалась на колонне разноцветного света. Зубы Хокинса задрожали, и он понял, что колонна на самом деле управляемое репульсорное поле, как те, что использовались в разведывательных скиммерах. На платформе сидело на корточках нечто напоминавшее громадного металлического скорпиона величиной с “Леман Русс”. Создавалось впечатление, что металлическое тело существа собрали из оставшихся после смены на мануфактуре частей: механизированные ноги плохо подходили друг к другу, одни оказались обратно сочленёнными, другие же демонстрировали более обычное для млекопитающих положение.

Ноги вырастали из круглого паланкина, на котором восседала верхняя половина техножреца с серебряными глазами в тёмно-красной мантии. Раздвоенная талия казалась вплавленной в металл. Вокруг священника в капюшоне виднелось примерно десять небольших контейнеров с жидкостью, сам священник был зафиксирован усиленными муфтовыми креплениями и изогнутыми железными распорками. Не вызывало никаких сомнений, что в каждом контейнере плавал аугметированный человеческий мозг, и все они соединялись с центром паланкина через множество позолоченных разъёмов.

Архимагос Котов направил изысканно украшенный пистолет на диковинного техножреца.

— Во имя Омниссии назови своё имя, — велел он.

— Зовите нас Галатея, — произнёс техножрец. — И мы так долго ждали вас, архимагос Котов.

http://tl.rulate.ru/book/30591/657210